

Содержание

В. Татаринов
Грозный вулкан вдохновения
9

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ
перевод Д. Минаева

Ад
41

Чистилище
273

Рай
499

Примечания
705

ГРОЗНЫЙ ВУЛКАН ВДОХНОВЕНИЯ

Мы шли. Была сначала глубока
Та мгла, что обступала плотным кругом...
Но вот уже расщелина близка.

Протиснулись в нее мы друг за другом.
И я просвет увидел в глубине...
И вдруг, качнувшись в воздухе упругом,

Из мрака звезды просияли мне.

Данте Алигьери. "Божественная комедия"

Данте Алигьери — один из известнейших авторов в мировой литературе. К нему неприменимы сдержанные оценки и осторожные характеристики; он — титан, гений, создатель творений, которые вызывали восхищение, доходившее до поклонения уже среди современников, а в особенности — у последующих поколений. Может быть, нагляднее всего уникальность его личности и таланта сказалась в том, что он, заплатив сполна трагедией собственной жизни дань жестокой и страстной эпохе, сумел создать произведения, которые сформировали итальянский язык в его современном виде, на долгие годы определили пути развития итальянской литературы, а европейскую культуру обогатили немалой толикой бесценных сокровищ, которыми она по праву гордится спустя многие сотни лет.

Данте Алигьери родился в мае 1265 года в древнем городе Флоренция, расположенном в Центральной Италии. Точная дата

его рождения неизвестна; в те времена еще не была восстановлена античная традиция вести подробные записи событий гражданской жизни. Зато известен день, когда Данте был крещен, — 26 марта 1266 года. Столь длительный промежуток времени от рождения до крещения объясняется просто: во Флоренции было принято крестить детей раз в год, в Страстную субботу. Эта пышная и торжественная церемония проходила в одном из центров городской жизни, баптистерии (крещальне) Сан Джованни, впоследствии украшенном всемирно знаменитыми тремя дверями с бронзовыми рельефами, великолепно исполненными Андреа Пизано (1336) и Лоренцо Гиберти (1424 и 1452).

Семья Данте принадлежала к дворянскому роду, хотя особой знатностью и богатством она гордиться не могла. Первый из достоверно известных предков поэта, Каччагвида, родился в 1106 году. Он участвовал в 1147 году в неудачном крестовом походе германского короля Конрада III Штауфена (1093–1152), был в Святой Земле возведен в рыцарское достоинство в награду за храбрость, но, так и не увидев Иерусалима, погиб в сражении с мусульманами.

Жена Каччагвиды происходила из семьи Алигьери (Алагьери), то есть “окрыленных”, и была родом “из долины По”, — очевидно, из города Феррара. Ее фамилия и перешла впоследствии потомкам. Один из ее сыновей, названный Алигьери, был прадедом Данте, а его внук, тоже Алигьери, — отцом поэта.

При рождении мальчик получил имя Дуранте (“претерпевающий”) в честь деда; Данте — это его уменьшительный вариант.

История семьи Данте неотделима от полной бурных и кровавых противоречий политической жизни тогдашней Италии. Ее своеобразие определялось противостоянием двух мощных партий, гвельфов и гибеллинов. Эти названия восходят к боевым кличам, с которыми шли в битву при Вейнсберге в 1140 году армии двух соперничавших между собой немецких княжеских родов, Вельфов и Штауфенов. Сторонники рода Вельфов выступали под девизом “За Вельфов!”; в латинизированном варианте “Вельфы” звучало как “Гвельфы”. А их противники шли в бой с кликом “За Вайблинген!” — такое название носил швабский замок семьи Штауфенов; в искаженном латинизированном варианте “Вайблинген” превратился в “Гибеллин”.

Борьба между Вельфами и Штауфенами уходила корнями в давнее соперничество из-за власти, в первую очередь в Италии,

между Римскими Папами и императорами Священной Римской империи. Основавшие империю в X веке германские короли были полными хозяевами положения; императорская корона для них имела скорее моральное значение: в глазах обитателей средневековой Европы Римская империя была воплощением единства и порядка в современном цивилизованном мире. “Пока Колизей будет цел, Рим будет жить; когда падет Колизей — падет и Рим, а когда падет Рим, падет и весь мир” — таково было распространенное в Европе представление о величии древней империи.

Кроме того, в сознании средневекового человека, которому древность завещала идею всемирной монархии, сложилось глубокое убеждение в незыблемости связи Римской империи и Католической Церкви. Положение императора и его функции определялись из сравнения власти императорской с властью папской. Император — наместник Бога на земле в делах светских и защитник Церкви; его власть во всем соответствует власти Папы, отношения между ними аналогичны отношениям души и тела. Коронационный церемониал и официальные титулы императора указывают на стремление придать императорской власти божественный характер. Император считался представителем всех христиан. Он — “глава христианского мира”, “светский глава верных”, “покровитель Палестины и католической веры”, превосходящий достоинством всех королей.

Однако германский король-император, хотя и мог номинально назначать Папу по своему усмотрению, не обладал по-настоящему прочной властью в Италии и Риме. В состав могучей империи в X–XI веках входили немецкие земли, большая часть Италии, Бургундия, Богемия, Моравия, Польша, Дания и отчасти Венгрия. Поддержание порядка на столь обширной территории требовало постоянного внимания со стороны властителя; к тому же недальновидная политика некоторых императоров привела к росту сопротивления их власти со стороны отдельных феодальных государств. Для оппозиции было естественным шагом искать союза с Папами.

В свою очередь, Папы, стремясь опереться на силу, которая могла бы противостоять германским королям, обратились за помощью к Франции. Это привело к тому, что Италия надолго превратилась в арену борьбы между двумя могущественными соседями, тем самым значительно ослабив собственные шансы на

объединение страны и самостоятельное разрешение внутренних противоречий.

Внутри Италии противостояние сторонников Папы и императора усугублялось раздробленностью страны, исторически обусловленной отсутствием сильной центральной власти.

В развернувшейся борьбе Папы традиционно выступали за ослабление феодальной зависимости городов от императорского деспотизма, заботясь в то же время об укреплении своей, духовной, власти. Императоры, стремясь подавлять политическую свободу в городских общинах, поощряли свободомыслие и даже еретические настроения, поскольку это служило благодатной почвой для роста оппозиции власти Церкви.

Таким образом, сторонники императоров, гибеллины, чаще принадлежали к родовитой аристократии и были людьми свободомыслящими, но деспотичными в политических вопросах. Гвельфы, поддерживавшие папский престол, были выходцами из народа и относились значительно строже к религиозным вопросам, однако придерживались демократических взглядов в области политики. Учитывая, что и дворянство, и пополаны (*итал.* *popolani*, от *popolo* — народ), то есть выходцы из торгово-ремесленных слоев, не были однородны в своей массе и их политический выбор часто зависел от множества обстоятельств — материального благополучия, расстановки сил в конкретном городе, близости к той или иной общественной группировке, вражды или дружбы с влиятельными представителями власти, — становится понятной крайняя запутанность и непредсказуемость развития политической ситуации в Италии XIII–XIV веков.

В разделении на партии гвельфов и гибеллинов решающую роль сыграл родной город Данте, Флоренция. В глазах современников всему виной была ссора между двумя аристократическими семействами города — Буондельмонти и Уберти, произошедшая в 1216 году. Причиной ее послужило нарушение брачного обещания молодым дворянином из семьи Буондельмонти: он поддался на уговоры Гвальдрады Донати и, очарованный красотой ее дочери, отказался от помолвки с девушкой из семьи Одериги. Семья Донати заплатила положенную пеню, но Одериги решили в отместку изувечить жениха-изменника. В дело вмешалась могущественная семья Уберти, родственники Одериги, и в результате Буондельмонти был убит в день свадьбы. Дерзкое убийство повлекло за со-

бой кровавую цепь ответных посягательств и, как следствие, — разделение горожан на враждующие партии.

Истинные причины вражды лежали, безусловно, гораздо глубже и выглядели не так романтично. Во-первых, дворянская аристократия по старой феодальной традиции была связана с императором вассальными отношениями, а их естественные оппоненты, пополаны, в силу неизбежного хода вещей не могли не выбрать противоположную сторону. Однако переходы из гвельфов в гибеллины и обратно были не таким уж редким явлением и объяснялись прозаическими финансовыми соображениями. И Папа, и император нуждались в крупных займах для ведения бесконечных войн и содержания армии; многие богатые семьи в итальянских городах привыкли извлекать из этого немалую прибыль.

Вопрос был в том, кто из вечных оппонентов заслуживал большего доверия, или, в переводе на современный коммерческий язык, кто из них обладал большей кредитоспособностью. Император мог обеспечить надежное возращение займов только если он был сильной фигурой, сохраняющей шансы на победу над своими многочисленными врагами. Папа же получал постоянный доход в виде различных отчислений по всей Европе, что не могло не привлекать осторожных и расчетливых флорентийских банкиров.

Соперничество между гвельфами и гибеллинами не ограничивалось кредитно-финансовой сферой и зачастую принимало формы куда более привычных для той эпохи кровной мести, резни или преследований по политическим мотивам, которые, как правило, заканчивались казнью или изгнанием оппонентов, при непременно присвоении победителями их имущества и сносе их городских домов и замков. Во Флоренции это противостояние достигало такой степени ожесточения, что гибеллины, которые при императоре Фридрихе II Штауфене (1194–1250) чувствовали себя очень уверенно, дважды изгоняли гвельфов из города — в 1248 и в 1260 годах.

Предки Данте принадлежали к партии гвельфов, поэтому его дед и отец также были вынуждены нести все тяготы изгнания, общие для всей партии. Однако после повторного возвращения гвельфов флорентийские гибеллины потерпели окончательное поражение, от которого им уже не суждено было оправиться. Их имущество было конфисковано и продано с аукциона, а дома сры-

ты до основания. На месте, где находился замок семьи Уберти, была устроена центральная городская площадь.

О родителях Данте неизвестно почти ничего; сам поэт нигде в своих произведениях о них не упоминает. Он рано потерял мать, отец мальчика умер, когда Данте был совсем еще ребенком. Так же мало известно и о том, где и как он учился; бесспорным фактом остается лишь то, что в своих сочинениях он предстает перед нами обладателем самых разносторонних и глубоких познаний, человеком, который был в курсе всех научных достижений и открытий своего времени.

В “Божественной комедии” Данте тепло отозвался об одном из своих наставников, общение с которым оставило глубокий след в его юной душе. Это был Брунетто Латини (1220–1294), нотариус, гвельф, занимавший должность государственного секретаря республики и другие видные посты, человек, которого неизменно высоко ценили за талант и ученость. Он руководил также образованием Гвидо Кавальканти, лучшего друга Данте и известного поэта той эпохи.

Очевидно, именно с общения с Брунетто Латини началось энциклопедическое и классическое образование Данте. Он познакомился с мифами об Эдипе и Фивах, циклами сказаний о Трое и Энее, “Метаморфозами” Овидия, средневековыми историями о Карле Великом, о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Но греческий язык, не входивший тогда в круг преподавания, Данте, как и многие его современники, знал плохо и часто путался в цитатах.

Друзья молодости Данте — это живописцы, музыканты, поэты и вообще люди искусства. Например, Каселла, известный певец того времени, был, по-видимому, очень дружен с Данте: даже в “Чистилище” Каселла, встретившись с поэтом, заверяет его в своей дружбе и преданности, а Данте вспоминает о его пении, которое “утоляло в нем всякие горести”. Данте был также дружен с художником Чимабуэ, с известным в то время миниатюристом Одеризи и с Джотто, реформатором итальянской живописи. Сохранился прекрасный портрет молодого Данте работы Джотто на стене часовни Дель Подеста во Флоренции, написанный, вероятно, между 1290 и 1295 годами.

Среди близких друзей Данте были в разное время поэты Лапо Джанни, Чино да Пистойя и в особенности Гвидо Кавальканти. С Чино да Пистойя, известным юристом, одним из лучших лириков

того времени и впоследствии учителем Петрарки, Данте, вероятно, сблизился позже, во время своего изгнания. Основатель новой флорентийской поэтической школы, непосредственный предшественник и лучший друг творца “Божественной комедии”, Гвидо Кавальканти был уже известным поэтом в то время, когда Данте делал только первые шаги в литературе. В личности Гвидо Кавальканти рыцарские качества флорентийского воина-дворянина сочетались с любовью к науке; его считали глубоким мыслителем. Он открыл путь к усовершенствованию поэтического языка и обогатил лирику новыми сюжетами и мотивами.

Однако для самого Данте определяющую роль в его дальнейшей судьбе поэта и мыслителя сыграло не полученное образование и не круг общения, а возвышенное и страстное чувство к Беатриче, впервые робко постучавшееся в его душу в еще юном возрасте и с тех пор неизменно озарявшее высоким светом гармонии, добра и истины его нелегкий жизненный путь.

Важнейшее событие всей жизни Данте произошло, когда ему было девять лет. Отец взял его с собой на весеннее празднество в дом богатого флорентийца Фолько Портинари. Там мальчик увидел дочь хозяина, Беатриче, девочку лет восьми. Юный ангел предстал перед ним в одеждах пурпурного оттенка, с поясом и украшениями; для Данте эта девочка впоследствии стала владычицей духа. “Она показалась мне, — писал поэт, — скорее дочерью Бога, нежели простого смертного... С той самой минуты, как я ее увидел, любовь овладела моим сердцем до такой степени, что я не имел силы противиться ей и, дрожа от волнения, услышал тайный голос: “Вот божество, которое сильнее тебя и будет владеть тобою”.

Дома Алигьери и Портинари были расположены почти рядом, поэтому будущий великий поэт и его несравненная Муза могли часто встречаться и играть, как и подобает детям в их возрасте, но не этим встречам было суждено пробудить могучий поэтический дар Данте.

Прошло почти девять лет, когда восемнадцатилетнему Данте предстало новое явление Беатриче. Они находились в самой цветущей поре юности; а он был уже достаточно образован, чтобы обуздать вихрь своих впечатлений и облечь его в рифмы и образы. На сей раз Беатриче была вся в белом. Она шла по улице в сопровождении двух женщин постарше; подняв на него взор, Беатриче,

благодаря “неизреченной своей милости”, поклонилась ему так скромно-прелестно, что поэт ощутил “высшую степень блаженства”. Опыренный восторгом, он уединился в своей комнате; там, погруженного в мечты о возлюбленной, его и сморил сон. Проснувшись, Данте изложил его в стихах. Это — аллегория в форме видения: Любовь держит в руках сердце поэта и некую “уснувшую и укутанную вуалью даму”. Спутник Любви, Амур, будит даму, вручает ей сердце Данте и в слезах удаляется.

Этот сонет восемнадцатилетнего Данте, в котором он обратился к собратьям-поэтам, спрашивая у них объяснения своему сну, привлек к нему внимание многих ценителей изящного слова, и в первую очередь — Гвидо Кавальканти, от души поздравившего юношу с успехом. Так началась их многолетняя дружба.

Уже в первых сонетах и канцонах, окружавших ярким сиянием и поэтическим ореолом образ Беатриче, Данте превзошел современников силой поэтического дарования, образностью языка, а также искренностью, серьезностью и глубиной чувства.

Для молодого Данте наступило время расцвета. Он стал самостоятельным человеком и начал вести светскую жизнь. Во Флоренции тогда еще царило безмятежное спокойствие — гибеллины были окончательно побеждены, а распри между гвельфами еще не начались. Наставником молодого поэта стал старший собрат по перу и вместе с тем первый кавалер города Гвидо Кавальканти, поэтому в развлечениях недостатка не было: охота, музицирование, танцы, шумные празднества и, разумеется, дамское общество.

Сердце Данте принадлежало Беатриче, однако светские приличия требовали, чтобы поклонение даме облекалось в куртуазную форму, благосклонно принимаемую в обществе. В частности, воспевание объекта обожания в стихах или публичные страдальческие вздохи в ее адрес не должны были выходить за рамки галантного и безобидного ухаживания и уж ни в коем случае не предполагали искреннюю страсть — отклонение от этого правила могло вызвать у всех, по меньшей мере, чувство неловкости.

Случай помог поэту направить окружающих по ложному следу: однажды в церкви он, как всегда, украдкой поглядывал на Беатриче, однако дама, стоявшая на пути его пламенных взоров, приняла их на свой счет; некоторые из прихожан подумали то же самое. Данте такая идея, в целом, понравилась: чувство к Беатриче было слишком возвышенно и затрагивало самые интимные

струны его поэтической души; сделав официальным предметом обожания “даму-ширму”, он находил безопасное приложение своему горячему темпераменту и одновременно надежно защищал от досужего любопытства свои истинные чувства.

“Дама-ширма” с удовольствием принимала ухаживания, как и посвящаемые ей стихи. Эта приятная и необременительная связь длилась несколько лет; затем дама уехала “в далекие края”. Данте, почувствовав образовавшуюся пустоту, вначале попытался, как и прежде, заполнить ее одной Беатриче. Когда у нее умерла подруга, он написал для возлюбленной два утешительных сонета.

Тем не менее вскоре была подыскана другая “ширма”. Судя по всему, на этот раз поэт не на шутку увлекся “отвлекающим маневром”. Начались пересуды; по-видимому, эти слухи и недомолвки, вопреки всем канонам куртуазной игры в любовь, вызвали ревность Беатриче, которая при очередной встрече с Данте не ответила на его поклон.

Случившееся потрясло поэта настолько, что он порвал со своей “ширмой” и всем сердцем устремился к оскорбленной им Беатриче; в результате перенесенного потрясения его поэзия разом достигла новой, невиданной доселе силы страсти, чувства и искренности. Именно благодаря Беатриче, как признавался Данте, он перестал быть обыкновенным человеком. “У меня не было другого учителя в поэзии, кроме себя и самой могучей наставницы — Любви”.

В январе 1287 года Беатриче вышла замуж за Симона деи Барди. Это замужество — одно из самых загадочных обстоятельств в истории взаимоотношений поэта и его возлюбленной с точки зрения современного человека. Данте, насколько известно, даже не добивался руки и сердца Беатриче, ограничиваясь исключительно воспеванием возлюбленной и поклонением ей.

Под оболочкой светского молодого человека и ученого у Данте билось чистое юное сердце, склонное к обожанию и отчаянию; он был одарен пламенным воображением, возносившим его высоко над землей, в царство Мечты. Его чувство к Беатриче отличалась всеми признаками первой юношеской любви: это духовное, безгрешное поклонение женщине, а не страстное влечение к ней.

Беатриче была в глазах Данте скорее ангелом, чем женщиной из плоти и крови; словно на крыльях, неслась она над этой грешной землей, едва соприкасаясь с ней, чтобы снова возвратиться в

лучший, небесный мир, поэтому любовь к ней — “дорога к добру, к Богу”. Чувство Данте к Беатриче воплощало в себе идеал платонической, духовной любви в самом высшем ее проявлении и было совершенно несовместимо с женитьбой на ней. Данте не стремился к обладанию возлюбленной; ее присутствие, поклон — вот все, чего он желал, что наполняло его неизъяснимым блаженством.

Не стоит забывать и о том, что средневековая мораль традиционно противопоставляла духовное и телесное начала и относила плотскую любовь к низменным, животным проявлениям человеческой натуры. А поэтому брак рассматривался лишь как общественно приемлемая форма уступки демону желания; в противоположность ему жизнь безбрачная, полная возвышенных устремлений, ценилась несравненно выше и считалась верным путем к спасению души и вечному блаженству.

Вскоре на Данте обрушились новые потрясения: в 1289 умер отец Беатриче, старый Фолько Портинари. Возлюбленная поэта глубоко переживала эту потерю, и Данте скорбел вместе с ней. Когда горечь утраты притупилась и новая весна 1290 года принесла с собой не только чудо возрождения природы, но и, по-видимому, благосклонное внимание к поэту со стороны его обожаемой возлюбленной, случилось самое страшное — Беатриче умерла.

Смерть возлюбленной повергла поэта в бездну отчаяния; друзья не на шутку опасались за его рассудок и даже жизнь. Лучше всего о своей любви рассказал сам Данте в сборнике “Новая жизнь”, где стихи, написанные в разное время, начиная с 1283 года, перемежаются с прозаическими комментариями и объяснениями. Этот сборник поэт посвятил Гвидо Кавальканти; он был закончен в 1293 году.

Название сборника, вероятно, объясняется тем, что именно любовь к Беатриче открыла для поэта настоящую “новую жизнь”. Его возлюбленная — воплощение идеала: “Облеченная в скромность, сияя красотой, шествует она среди похвал, будто ангел, сошедший на землю, чтобы явить миру зрелище своих совершенств. Ее присутствие дает блаженство, разливает отраду в сердцах. Кто ее не видел, не может понять всей сладости ее присутствия”. Украшенная благодатью любви и веры, Беатриче пробуждает и в других те же добродетели. Мысль о ней дает поэту силу побеждать в себе любые нехорошие чувства; ее присутствие и поклон мирят его со вселенной и даже с врагами.

Вместе с тем “Новая жизнь” — это скорбная книга. Краткая история любви Данте лишь иногда окрашивается в тона кроткой, созерцательной радости; смерть отца Беатриче, ее печаль, предчувствие ее смерти и смерть — эти трагические мотивы во многом определяют тональность сборника.

Когда Беатриче умерла, поэту исполнилось 25 лет. И хотя горе его граничило с помешательством, его натура была достаточно здоровой и сильной для того, чтобы найти выход из бездны отчаяния. Великая скорбь заставила Данте искать утешения в занятиях наукой: он принялся изучать философию, стал посещать философские школы; в особенности он увлекся трудами Цицерона и Боэция, последнего выдающегося представителя мыслительной культуры Древнего мира.

Страсть Данте к изучению философии, которая временно даже привела его к ухудшению зрения, открыла ему “сладость” этой науки и настолько завладела им, что на время затмила прежний идеал, до того безраздельно царивший в его душе.

Энергичное вмешательство тех, кто относился к Данте по-прежнему с теплотой и участием, благотворное влияние философии способствовали тому, что поэт вернулся к спокойной, уравновешенной жизни.

Его родные не преминули воспользоваться этой переменной настроения и уговорили его вступить в брак. Собственно, в жены ему была еще с детства предназначена Джемма да Манетто Донати, представительница влиятельной и состоятельной семьи. Они поженились не позднее 1297 года; приданое Джеммы оказалось весьма кстати, поскольку предпринимательским талантом Данте не обладал ни в малейшей степени, а дела у семьи последнее время обстояли неважно.

У них родилось несколько детей; достоверно известно о троих — сыновьях Пьетро и Якопо и дочери Антонии. Джемма, вероятно, пережила мужа; по крайней мере, еще в 1333 году ее подпись значится на одном из документов. Их совместная жизнь закончилась после изгнания Данте из Флоренции. Джемма с детьми осталась в городе, а Данте с тех пор вел жизнь изгнанника. Много лет спустя, в конце жизни, поэт вызвал к себе сыновей и заботился о них.

В сочинениях Данте нигде не упоминается о Джемме. Для тех времен подобная ситуация была самым обыкновенным явлением:

никто из современных ему поэтов не касался своей семейной жизни. Такова оборотная сторона истории отношений Данте и Беатриче: роль жены была исключительно прозаической; наряду с супружеским долгом могло прекрасно существовать и иное чувство, которое всеми признавалось истинным и высшим.

Как поэт, Данте обладал возвышенной натурой, постоянно устремленной к идеалу любви, знания, истины; как сын своей эпохи, он был человеком решительным и энергичным, особенно если речь шла о его чести или политических убеждениях. Еще юношей Данте храбро сражался в первых рядах флорентийских войск. Он участвовал в битве при Кампальдино, в которой войска Флоренции одержали победу над армией Ареццо, и в последовавшей затем осаде города Капроны, захваченного аретинцами. Позднее он занялся политической деятельностью и принимал непосредственное участие в общественных делах родного города. Именно эта деятельность Данте и послужила причиной его дальнейших несчастий.

В то время во Флоренции насчитывалось около двухсот тысяч жителей; это было, например, вдвое больше, чем в Риме. Власть в городе принадлежала выборным народным представителям. Структура власти, существовавшая во времена Данте, была сформирована в несколько этапов. Вначале, в 1266 году, подеста (градоначальник) Флоренции гибеллин граф Гвидо Новелла учредил семь больших (старших) цехов и предоставил им право вмешиваться в дела правления; граф Новелла стремился таким образом ограждать свою власть от влияния гибеллинов.

После этого гвельфы одержали окончательную победу над гибеллинами и провели ряд реформ в управлении, в результате которых власть все более переходила в руки избираемых народных представителей. В 1280-е годы Флоренцией правила синьория — комитет из шести членов, избираемых на один год; каждый из них на два месяца становился во главе исполнительной власти. Эти шестеро именовались “приоры порядка и свободы”; их избирали из числа членов цехов и жителей кварталов города.

В 1293 году известный вождь народной партии Джано делла Белла добился принятия “Установлений справедливости”, в соответствии с которыми представители дворянства были вообще лишены возможности занимать какие бы то ни было государственные должности в республике. Это была настоящая мирная

революция, с результатами которой проигравшая сторона не хотела и не могла примириться.

Пока во Флоренции своим чередом разворачивались репрессии против непокорных дворян, сопровождавшиеся, как всегда, срытием домов-замков, противники народной партии долго и безуспешно интриговали против Джано как в родном городе, так и в Риме. Летом 1295 года их усилия увенчались успехом: делла Белла был отправлен в изгнание, а к “Установлениям справедливости” были немедленно приняты поправки, очень важные для дворянства: записавшись в одну из ремесленных корпораций, они могли открыть себе доступ к общественным должностям. Флорентийским аристократам приходилось становиться купцами, чтобы пробиться к управлению городом.

Данте так и поступил — он приписался к шестому из старших цехов, который объединял врачей и аптекарей, а также книготорговцев и художников. Это был один из двух “интеллигентских” цехов (в другой входили юристы), однако только в него мог поступить человек без специального образования: у юристов требовалось пройти нечто вроде квалификационного экзамена. Впрочем, цех, к которому был приписан Данте, тоже был не из последних: знаменитые правители Флоренции в XIV–XV веках принадлежали к роду Медичи, то есть “лекарей”.

Политическая карьера явно привлекала Данте — уже 5 июня 1296 года поэт, как член Совета ста, выступил с речью на общем собрании. В Совет ста, или Совет подесты, входили выдающиеся жители города, представители аристократии или высшей буржуазии.

Последние годы уходящего XIII столетия во Флоренции были омрачены обострением соперничества между различными влиятельными семьями, которое привело к расколу партии гвельфов в этом городе на два враждебных лагеря. На этот раз поводом послужила ссора между двумя ветвями рода Канчельери, жившими в небольшом городе Пистойя, неподалеку от Флоренции.

И одни, и другие Канчельери происходили от одного предка, но по разным женским линиям. Прародительницу одной из них звали Бьянка, то есть “Белая”; другие Канчельери стали называть себя Нери, то есть “Черными”. Члены этой семьи мирно уживались друг с другом, пока во время ссоры юноша из Черных не ранил одного из Белых. Отец послал сына просить у раненного им прощения, однако гордый представитель Белых не удовлетворил-

ся словесным покаянием и отрубил обидчику правую руку, а затем отправил ее его отцу со следующим разъяснением: “Оскорбления смываются кровью, а не словами”. После этого крови в Пистойе, действительно, пролилось более чем достаточно: в городе, расколовшемся на два лагеря, началась настоящая междоусобная война.

В дело была вынуждена вмешаться Флоренция; лидеров враждующих партий схватили и посадили во флорентийскую тюрьму. Это привело к тому, что противостояние пистойских Черных и Белых постепенно переплелось с внутрифлорентийскими противоречиями. В данном случае семена раздора упали на благодатную почву: в городе нарастало соперничество между двумя крупными банкирскими домами — Черки и Спины. И те и другие были сказочно богаты, и их сферы влияния все чаще пересекались. Спины в этой войне действовали не своими руками, а через семейство Донати, в котором захватил лидерство Корсо Донати, отличавшийся блестящими способностями, необузданным тщеславием и зверской жестокостью.

Началом раскола в рядах флорентийских гвельфов считается стычка, произошедшая в декабре 1296 года, когда представители семейств Черки и Донати сошлись у гроба в доме Фрескобальди, чтобы почтить умершую даму, приходившуюся родственницей обоим домам. Стоило одному из членов враждующих семейств по невыясненной причине встать, как все остальные посчитали своим долгом приготовиться дать отпор возможному нападению... Непосредственно в траурном зале общими усилиями их удалось разнять, но на улице остановить побоище не мог уже никто. В конце концов Донати отступили в свои домашние крепости и успешно пересидели в них недолгую осаду.

Вражда между Черки и Донати имела и политические, и личные корни. Первой женой Корсо Донати была женщина из рода Черки. Она рано ушла из жизни, и многие считали, что на самом деле она была отравлена мужем. Когда, по возвращении во Флоренцию, Корсо Донати пригласил к себе Вьери деи Черки, главу рода, поужинать и велел налить ему вина, Вьери отстранил кубок дрожащей рукой. Тогда Корсо позвал своего помощника и предложил ему выпить из кубка гостя, что тот, не колеблясь, исполнил. Вьери встал, взглянул в глаза Корсо и воскликнул: “Не таким вином угостил ты мою сестру!” Это происшествие положило начало кровавой вражде между Черки и Донати. Их ссора быстро разрос-

лась до масштабов всей Флоренции, поскольку и к тем и к другим примкнули родственники и знакомые обеих семей.

Обоюдная ненависть тлела, не угасая и время от времени вспыхивая кровавым пожаром. В декабре 1298 года родственники Донати напали на оказавшихся поблизости Черки; участников стычки суд приговорил к крупным штрафам, поэтому даже богатые Черки воспользовались возможностью вместо уплаты денег отсидеть в местной тюрьме. Туда к ним как-то вечером наведялся приятель Корсо Донати и угостил жареной свининой; все поповавшие ее Черки заболели, а четверо из них умерли. Доказать, разумеется, ничего было нельзя, но для Черки и их союзников все было понятно и так. Этот случай привел к тому, что сторонники Черки перестали посещать собрания руководства гвельфской партии, на которых тон задавали Донати и их приверженцы.

В мае 1299 года Корсо Донати был официально изгнан из Флоренции за отказ уплатить крупный штраф, который был на него наложен по приговору суда за подкуп должностного лица, махинации и тому подобные прегрешения. Черки воспряли духом после такого успеха, однако Папа Римский Бонифаций VIII очень быстро продемонстрировал им, с каким противником они на самом деле столкнулись: после изгнания Корсо получил от Папы ряд завидных должностей, а Вьери деи Черки был вызван в Рим, где Папа настойчиво уговаривал его забыть ссору с Корсо и вернуть того во Флоренцию.

Тем временем вражда между Черными и Белыми Канцелярии в Пистойе, которая то вспыхивала, то гасла с середины 1280-х годов, переросла в беспорядки таких масштабов, что Флоренции пришлось вмешаться и вывезти наиболее активных представителей обеих партий к себе в город. Там опальные Канцелярии разместились у своих родственников: Белые — у одного из Черки, а Черные — у Фрескобальди, поддерживавших Донати. Так пистойские неурядицы стали частью флорентийских, а среди гвельфов в родном городе Данте наметилось разделение на Черных (приверженцы Донати) и Белых (сторонники Черки).

Реакция Папы на флорентийские события обеспокоила Черки, и в марте 1300 года в Рим была отправлена делегация во главе с ловким и обходительным юристом Лаппо Сальтерелли. Ее основным заданием было выяснение истинной позиции и намерений Папы, а также распутывание клубка интриг вокруг Флоренции

при папском дворе. Сальтерелли прекрасно справился со своей задачей, и вскоре во Флоренции узнали о заговоре против Черки и роли в нем банкирской семьи Спини. После этого один из Спини и двое его союзников были приговорены к крупным штрафам или, в случае отказа, к отрезанию языка. Был еще и третий вариант — не показываться в родном городе; именно это благоразумно и выбрали осужденные. Папа пришел в ярость, но все его попытки добиться отмены приговора натолкнулись на упорное сопротивление правителей города.

Вечером 1 мая, в разгар традиционного весеннего гуляния, члены семьи Донати набросились на Черки; в завязавшейся потасовке РикOVERино Черки отрубили нос. Дело закончилось судом, новыми грозными штрафами и дворянским заговором в целях захвата власти в городе. Заговор, главные нити которого уходили в Рим, к Корсо Донати, был раскрыт; Корсо приговорили к смертной казни с конфискацией имущества и неизбежным уничтожением домов, — по требованию закона их сравнивали с землей. Наиболее же активных представителей Черных и Белых гвельфов выслали на некоторое время из города. Среди наказанных таким образом был и друг Данте, поэт Гвидо Кавальканти. Для него эта поездка стала роковой: нескольких месяцев хватило, чтобы он заболел малярией и вскоре умер.

Данте в это время выполнял важное поручение: в начале мая он отправился в Сан-Джиминиано с дипломатической миссией. Формально речь шла о предстоящих выборах нового военачальника Гвельфской лиги тосканских городов, куда, кроме Флоренции, входили Лукка, Пистойя, Прато, Сан-Миниато, Вольтерра, Поджибонси и Колле. Поручение, возложенное на Данте, было довольно деликатного свойства: конфронтация между Папой и Флоренцией нарастала, и поддержка Лиги в такой ситуации была бы кстати, если бы не одно “но” — Лига была гвельфской, то есть папской. Известно, что 7 мая 1300 года Данте выступил в палатце подесты Сан-Джиминиано; в память об этом событии там до сих пор показывают “зал Данте”.

Это было время наивысшего взлета политической карьеры Данте в родном городе. Уже ко времени поездки в Сан-Джиминиано он был одним из влиятельнейших лиц в городской администрации Флоренции. Вскоре он был избран в Коллегию приоров и с 15 июня по 15 августа исполнял обязанности приора. Выборы, оче-

видно, проходили в непростой обстановке, поскольку позднее Данте в письме признавался, что причиной всех его страданий и несчастий стало избрание в приоры.

Об одном из эпизодов своей деятельности в этой должности Данте впоследствии рассказал сам в “Божественной комедии” (“Ад”, XIX, 16–22). В баптистерии Сан Джованни, где когда-то крестили и самого Данте, крестильница выглядела так: в каменном помосте возле стен были пробиты узкие углубления в виде купелей, куда поступала вода из колодцев. И вот однажды ребенок, играя с другими детьми, вскочил в одно из этих углублений и застрял в нем, не в силах выбраться наружу. На крики детворы сбежался народ, но никто не мог сообразить, как помочь ребенку, который вот-вот мог захлебнуться. Подоспевший вовремя Данте собственноручно разбил злополучный камень. Позднее нашлись люди, обвинившие его за этот поступок в кощунстве и святотатстве; именно с ответом на такие обвинения и связано упоминание об этой истории в “Божественной комедии”.

В самом конце своего приората Данте был в числе принявших постановление об амнистии Белых гвельфов, сосланных несколькими месяцами раньше; среди них был и Гвидо Кавальканти, который, однако, умер от малярии вскоре после возвращения во Флоренцию. Позднее принятие амнистии также было истолковано не в пользу Данте — его обвинили в использовании служебного положения с целью незаконно облегчить участь друга.

23 июня, накануне дня Джованни Баттисты (Иоанна Крестителя), покровителя Флоренции, в городе состоялось праздничное шествие с участием представителей всех цехов. Дворян это зрелище вывело из себя, тем более что они, не вступив в цехи, не имели права присоединиться к процессии. Все закончилось большой дракой под крики дворян о том, что их, победителей при Кампальдино, пополаны оттеснили от всякой власти в городе.

Ситуацию усложняло и присутствие в городе посланца Папы кардинала Акваспарты, основной целью “мировотворческой” миссии которого было добиться отмены сурового приговора сторонникам партии Спини—Донатини. Коллегии приоров тем не менее раз за разом отвечали ему решительным отказом, поэтому, ничего не добившись, Акваспарта в сентябре 1300 года отлучил от Церкви всех заметных представителей городского управления Флоренции и отбыл в Рим.

Отлучение от Церкви, или интердикт, было очень серьезным наказанием для флорентийских купцов и банкиров, и нервничать их заставляла вовсе не перспектива гнева Всевышнего. На территории, подконтрольной Флоренции, им не грозило ничего, однако для всего остального католического мира интердикт Папы был сигналом к тому, что за счет отлученных можно неплохо поживиться: они были людьми вне закона, которых любой мог безнаказанно ограбить и даже убить. Грехом подобные действия не считались, поскольку их объектом были люди, изгнанные из лона Церкви.

Это создавало потенциальную угрозу для флорентийских капиталов и товаров, поэтому к Папе Бонифацию VIII была отправлена представительная делегация, которая сумела вымолить у него приостановление интердикта.

Разумеется, демонстрация дружественных намерений по отношению к Риму предполагала со стороны Флоренции хотя бы частичный отказ от прежней жесткой позиции, тем более что пойти в открытую против папского престола флорентийцы не решались. Папа это хорошо понимал и безжалостно играл на обозначившемся противоречии.

В самой Флоренции наметившийся путь уступок и компромиссов многих не устраивал. Судя по всему, Данте был одним из лидеров группы тех, кто не доверял Папе и предлагал опереться на собственные силы, — все-таки Флоренция могла за себя постоять. С 1 апреля по 1 октября 1301 года он снова среди членов Совета ста. А 19 июня при обсуждении просьбы Папы о выделении ста рыцарей для одной из папских военных кампаний Данте выступил против. Он страстно и аргументированно настаивал на своей точке зрения, но в конечном счете остался в меньшинстве. Эти выступления ему потом тоже припомнили.

Тем временем обозначилась новая опасность: усилиями семьи Спино Папа Бонифаций VIII подобрал для Флоренции куда более серьезного миротворца, чем кардинал Акваспарта. Это был Карл Валуа, брат короля Франции Филиппа VI Красивого. Перспектива появления у стен Флоренции энергичного папского “посредника мира” вместе с его бургундскими рыцарями возникла уже в сентябре. Городские власти, представители цехов проводили совещание за совещанием, пытались определиться: принять ли городу Карла с его надуманной миссией или готовиться к осаде. Данте

был в первых рядах тех, кто призывал укрепить оборону и опереться на пополанов, то есть полноправных граждан, предоставив им, в частности, больше прав и свобод.

Так тянулись дни и недели: пока Карл со своей армией неспешно, но неотвратно продвигался к Флоренции, город потихоньку укреплял рубежи, не принимая, однако, окончательного решения. Постепенно стало ясно, что надежд на военную поддержку со стороны Гвельфской лиги практически нет. В этой ситуации городские власти приняли решение отправить к Папе очередное посольство — выторговывать мир. По свидетельству известного писателя Джованни Боккаччо, Данте, когда к нему обратились с предложением войти в состав этой делегации, ответил: “Если я останусь, кто поедет? Если я поеду, кто останется?”

Тем не менее он поехал. Папа Бонифаций VIII принял флорентийцев, как всегда, хорошо и даже издал по этому поводу буллу, которую двое послов отвезли обратно во Флоренцию; Данте в это время оставался в Риме. В родном городе поэта события неуклонно близились к кульминации: Карл подошел к городу и предъявил властям бумагу от Папы, согласно которой его надлежало допустить в город.

После милостивой буллы понтифика против прихода Карла категорически возражал только цех булочников, остальные не рискнули противиться воле Папы и утешали себя мудрыми житейскими соображениями, что все как-нибудь обойдется.

Последовали продолжительные переговоры, в ходе которых и Карл, и Папа не скупились на заверения в том, что единственной целью Карла является примирение Черных и Белых гвельфов, поэтому флорентийские законы будут в точности соблюдаться и никто, конечно же, не пострадает. Просто Карла нужно было впустить в город.

1 ноября 1301 года Карл торжественно вступил во Флоренцию. Вскоре власти города поручили ему охрану ворот и предоставили ряд других важных полномочий. 5 ноября, в первую же ночь после того, как ворота перешли в ведение Карла, в город ворвался Корсо Донати со своими головорезами. Начались кровавые стычки, грабежи, налеты среди бела дня, в которых участвовали и Черные, и французы.

На пять дней город был отдан во власть огня и меча; затем Карл сменил городскую администрацию на более стоворчивую.

Собственно, “миротворец” стремился лишь к одному — выкачать из Флоренции побольше денег. Расплачиваться за все предстояло Белым. Начался период политических репрессий с непременными крупными штрафами и конфискациями имущества.

Денег никому не бывает достаточно, в том числе и особам королевской крови; поэтому впоследствии, вдоволь пограбив Флоренцию, Карл явился в Рим к Папе Бонифацию VIII, надеясь получить дополнительное вознаграждение за свои услуги. В ответ Бонифаций изумленно воскликнул: “Но я же послал тебя во Флоренцию — к источнику золота!”

18 января 1302 года во Флоренции начались процессы над наиболее заметными фигурами из лагеря Белых. Уже 27 января настал черед Данте: ему были предъявлены обвинения во взяточничестве, утайке общественных сумм, подкупе, подстрекательстве против Папы Римского и Карла Валуа. По приговору суда он был обязан выплатить в течение трех дней пять тысяч лир, в противном случае ему грозила конфискация всего имущества, и в любом случае — изгнание из Флоренции на два года с лишением навсегда права занимать какую-либо общественную должность. Данте не стал искушать судьбу, поэтому ни штрафа, ни его самого у подесты так и не дождались.

Новые власти со свойственным им цинизмом объявили, что бегство приговоренного является подтверждением его вины, поэтому 10 марта приговор Данте был дополнен новым наказанием: в случае поимки флорентийскими властями его ожидало сожжение живьем на костре. Он не был одинок в своем несчастье: за 1302 год около 600 человек из партии Белых были приговорены к смерти или к изгнанию. Их обвиняли в различных преступлениях, но истинная их вина, разумеется, состояла в нежелательных политических пристрастиях.

Покинув родной город, Данте еще около года провел среди других изгнанников, своих единомышленников. Белые строили планы, вооружали отряды и пытались вернуть отнятое у них силой оружия, однако удача была не на их стороне; к тому же сказывалось отсутствие в их рядах ярких военных и политических лидеров.

Положение самого Данте в этих пуганых сетях политических интриг было сложным. Его убеждения, надежды и устремления изначально заметно отличались от побуждений большинства при-

верженцев какой-либо партии. Это был просвещенный патриот, искренне отстаивавший высокие гражданственные идеалы, органически неспособный проникнуться мелкими эгоистическими интересами современных ему политических движений. В сущности, Данте не был ни за гвельфов, ни за гибеллинов, ни за Белых, ни за Черных; он просто со всем пылом творческой натуры отстаивал и защищал идеи, целью которых было благополучие и процветание его родины. Этого нельзя было сказать об окружавших его политических деятелях, для которых провозглашаемые ценности служили скорее удобной вывеской, призванной замаскировать их собственные интересы.

После ряда ощутимых поражений в стане союзников, Белых и гибеллинов, начались раздоры, обиды и ссоры — одним словом, все те нечистые страсти, которые так часты среди побежденных. Подобная атмосфера претила Данте. Кроме того, поэт обладал гордым и неуживчивым характером; умение приспособлять свою позицию к быстро меняющейся конъюнктуре и господствующим мнениям ему было чуждо — он отличался твердыми убеждениями. Видя, что его взгляды не находят понимания ни у гвельфов, ни у гибеллинов, Данте замкнулся в себе и, как он сам гордо провозгласил, стал “сам себе партией”. Это произошло, вероятно, в 1303 году, когда поэт отправился в Верону, ко двору “великого ломбардца” Бартоломео делла Скала.

Белые тем временем предприняли еще несколько попыток и мирным, и насильственным путем вернуться во Флоренцию. Казалось, они почти достигли желанной цели — бои шли уже на улицах города, но в конечном счете их усилия оказались тщетными, и в 1307 году все надежды партии Белых рухнули окончательно.

Во времена Данте человек был намного теснее связан с родными местами. Этому способствовали многие факторы, в том числе царившее крутом беззаконие и право сильного, примитивность средств передвижения, экономическая нестабильность. Чувствовать себя в относительной безопасности каждый мог только там, где он родился и вырос, где его окружали родственники, друзья, знакомые, готовые защитить и оказать необходимую помощь. Одним словом, уязвимость и зависимость людей вынуждала их держаться определенных мест, где они так или иначе обосновались, и не покидать их без крайней нужды. Поэтому наказание изгнанием имело совсем иное значение, чем в современном мире: насильст-

венная разлука со всем дорогим в жизни становилась решающим испытанием для всего дальнейшего существования человека.

Скитальческая жизнь Данте, особенно в ее первые годы, была полна лишений; он был вынужден просить помощи у других, чтобы поддерживать свое существование. В 1304 году он написал племянникам умершего Алессандро ди Ромена, Оберто и Гвидо, что бедность препятствует ему явиться на похороны их дяди. Такому гордому человеку, как Данте, было, конечно, особенно тяжело зависеть от чужой милости. Он на собственном опыте узнал, “как горек хлеб изгнания и как тяжело подниматься и спускаться просителем по чужим лестницам”.

Страдания Данте возрастали и из-за не оставлявшей его тоски по родине. Хотя это был в высшей степени просвещенный человек, который мог с полным основанием заявить о себе: “Для меня отечество — весь мир, как для рыб — море”, в нем жила страстная любовь к Флоренции. Это пронзительное чувство постоянно прорывается в его стихах и письмах, в словах о сочувствии ко всем несчастным, “но более всего к тем, которые, томясь в изгнании, видят родину только во сне”.

Невозможно указать точно все города и местности, где довелось пребывать Данте за время скитаний; только некоторые из этапов этого долгого и скорбного пути известны по документам и отзвукам в его произведениях — Падуя, Арно, Казентино и др. Есть сведения о том, что он побывал в Париже, учился в Сорбонне и на диспутах в университете поражал всех своей ученостью. По крайней мере, так утверждал один из его первых биографов Джованни Боккаччо, который родился в Париже в 1313 году и мог узнать от своего отца, долгое время жившего в столице Франции, немало интересных подробностей о пребывании Данте в этом городе.

После того как Белые гвельфы окончательно утратили надежду на возвращение во Флоренцию с высоко поднятой головой, шанс одержать победу над Черными пришел с совершенно неожиданной стороны. На престол Священной Римской империи вступил Генрих VII, граф Люксембургский, который в ноябре 1308 года был избран германским королем на съезде во Франкфурте и в январе 1309 года коронован в Ахене. Он проявил решимость возратить императорской власти силу и величие, утраченные ею после падения династии Штауфенов, и объявил своей первоочередной целью достижение благоденствия Италии, примирение

враждующих между собой партий и восстановление в стране всеобщего блага. Данте увидел в деятельности императора залог грядущего освобождения Италии и осуществления его собственного идеала — создания всемирной монархии, с императором во главе светской власти и с Папой — во главе духовной.

За годы скитаний политические убеждения Данте претерпели существенные изменения. Он родился в семье потомственных гвельфов и, получив соответствующее воспитание, в ранней молодости придерживался взглядов своей партии, не задумываясь о том, насколько они близки ему самому. В период увлечения философией, после смерти Беатриче, он ощутил потребность разобратся как следует в политических реалиях, чтобы иметь и на этот счет собственное суждение. Уже после изгнания он пришел к выводу о несостоятельности гвельфства как политической системы; теперь он был убежден, что в бедствиях Италии повинны более всех гвельфы, сошедшие с пути чести и добродетели.

Политическая теория Данте, которая до поры до времени выглядела достаточно отвлеченной, получила шанс на осуществление, когда Генрих VII в октябре 1310 года перешел Альпы и появился со своей армией в Италии. Император настойчиво повторял, что цель его похода — установление в стране мира, согласия и благоденствия. Окрыленный надеждами, Данте поспешил возвратиться из Франции в Италию, чтобы увидеть того, кто теперь был в его глазах едва ли не политическим мессией. Возможно, поэт был представлен Генриху в Милане.

К тому времени Данте уже был автором напумевшего послания на латинском языке к правителям и народам Италии: “Всех и каждого: королей Сицилии и Неаполя, римский сенат, а равно герцогов, графов, маркграфов и народы Италии — смиренный итальянец Данте Алигьери из Флоренции, безвинно изгнанный из отечества, просит о мире”.

Настроение открытого письма как нельзя лучше отражает то состояние душевного подъема, в котором находился поэт в конце 1310 — начале 1311 года: “Радуйся, Италия, близок тот, кто освободит тебя из темницы нечестивых и отдаст свой виноградник в руки других рабочих, которые, когда придет час жатвы, соберут плоды правды и справедливости. Притесненные пусть надеются и верят: император будет равно справедлив и мягкосердечен ко всем”.

Однако непримиримо враждовавшие партии итальянских городов с трудом могли представить себе в сложившейся ситуации равную для всех справедливость и мягкосердечие, поэтому миротворческая миссия Генриха вызвала энтузиазм далеко не у всех. Центром сопротивления начинаниям императора стал родной город Данте — Флоренция. И 31 марта 1311 года Данте выступил с новым открытым посланием, на этот раз — к “нечестивым флорентийцам”. В нем он доказывал землякам важность и необходимость как Римской империи, так и всемирной монархии. Тон этого послания существенно отличался от настроения первого: вместо призывов к примирению в нем звучат гневные обвинения и неприкрытые угрозы. Поэт упрекает флорентийцев в злоупотреблении свободой, которую они обращают в деспотизм, и предсказывает им страшное наказание за упорство, которое они демонстрируют в своих заблуждениях.

Не приходится удивляться тому, что флорентийцев это письмо ничуть не напугало, а только изрядно разозлило. Поэтому, когда несколько месяцев спустя указом синьории многим изгнанникам из партии Белых гвельфов было предоставлено право вернуться во Флоренцию, Данте оказался среди той тысячи эмигрантов, на которых амнистия не распространялась.

Продолжая деятельно поддерживать императора, Данте обратился к нему с посланием, призывая действовать энергичнее и заверяя, что итальянцы смотрят на него “как на новое солнце, появившееся, чтобы разогнать собравшиеся тучи”.

В этом послании Данте сравнивает Италию с гидрой, которую нельзя победить, отрубив одну из голов; должно нанести удар в самое сердце. Гидра — непокорные итальянские города, а сердце сопротивления, средоточие зла — Флоренция. Поэт не скупится и на другие сравнения: Флоренция — змея, жалящая свою мать, паршивая овца, заражающая все стадо, и т. п. Страстный темперамент Данте проявился в этой истории во всю мощь: он не знает колебаний и сомнений, в политике он не меньший энтузиаст, чем в поэзии и философии.

Очевидно, именно в 1312–1313 годах Данте написал на латинском языке трактат “Монархия”, где он еще раз изложил свою систему государственного устройства и политическую теорию, которую раньше высказал в трактате “Пир” и политических письмах.

Его идея всемирной империи как идеала римского народа нашла в этом сочинении наиболее полное обоснование.

Политическая теория Данте, изложенная в “Монархии”, несмотря на всю утопичность, примечательна как первая серьезная попытка описать средневековую империю с этической, идеальной стороны и обосновать с научной точки зрения идею “царствия Божьего на земле”. С этой величественной утопии начинается пробуждение национального самосознания в итальянцах.

Данте был готов признать даже чужеземную власть, если она сумеет умиротворить партии, прекратить раздоры и обуздать мелкое честолюбие маленьких тиранов и непатриотичное самодовольство общин и династий. В своей неистовой запальчивости Данте не принял во внимание того очевидного обстоятельства, что призывать иноземных миротворцев — значит отдавать себя в чужие руки, а необходимость наводить порядок и спасать общество от буйства противоборствующих партий — это старинный предлог всех завоевателей.

Император Генрих в конце концов добрался до Центральной Италии и в Риме был венчан императорской короной. В это время его оставили многие союзники, в том числе Папа. Но Генрих не сдавался и все-таки осадил Флоренцию, правда безуспешно: город был хорошо укреплен, да и у его защитников было время подготовиться к обороне. Вынужденный в конце концов отступить, император провел зиму 1312/13 года в Буонконvento, расположенном к югу от Сиены.

С весны 1313 года император начал готовиться к новому походу; ему удалось собрать внушительную армию, но в дело вмешалась судьба: 24 августа Генрих VII скорпостижно умер от малярии, а с ним — и все надежды Данте на объединение Италии под властью могущественного монарха и возвращение в родной город. Императора оплакали многие поэты, в том числе Чино да Пистойя, написавший две канцоны на его смерть; Данте отвел ему в своем “Раю” одно из почетных мест.

Участие Данте во всей этой истории ясно свидетельствует о том, что и в изгнании его переполняли гнев, чувство мести, презрение, личные переживания — словом, все страсти, которыми он жил в прежнюю, более счастливую пору. Впрочем, удары судьбы не сломили его могучего духа, а поэтический талант, пройдя горнило жестоких испытаний, только окреп. Оторванный от активного

участия в общественных делах, поэт отдал все силы творчеству, где его дар теперь расцвел и пышнее, и ярче. Именно в изгнании, приблизительно с 1307 года, писал Данте свое самое прославленное произведение — “Божественную комедию”.

Замысел этого произведения возник у него задолго до того, как он приступил к работе над ним. Уже в конце “Новой жизни” Данте упоминал о прекрасном видении, которое заставило его отказать от мысли не умолкая говорить о Беатриче по крайней мере до тех пор, пока он не будет достоин этой высокой чести.

“Божественная комедия” написана трехстрочными ямбическими строфами — терцинами — и состоит из 14 233 стихов. Первые две части поэмы — “Ад” и “Чистилище” — получили известность еще при жизни их создателя, а “Рай” был обнаружен и опубликован уже после смерти Данте.

Это произведение представляет собой грандиозную аллерию людского бытия, греха и искупления с религиозной и нравственной точек зрения. Каждый человек носит в себе и ад, и рай: Ад — духовная смерть, господство греховного телесного начала, образ зла и порока; Рай — воплощение добра, добродетели, внутренней гармонии и счастья; Чистилище — переходный этап из одного состояния в другое путем раскаяния. Пантера, лев и волчица, преградившие поэту путь к солнечному холму, олицетворяли три порока, считавшихся в средние века самыми главными причинами людской испорченности: сладострастие, гордость и алчность.

По собственному признанию Данте, “комедией” его поэма была названа потому, что “начало ее ужасно и печально (“Ад”), а конец прекрасен и радостен (“Рай”); наоборот, трагедией (речь идет об “Энеиде” Вергилия. — В.Т.) называется то произведение, которое начинается спокойно и приятно, а кончается печально и ужасно. Точно так же и в способе выражения различаются они между собой тем, что трагедия — торжественна и величава, а комедия — смиренна и непритязательна; причем язык ее народный, “volgare”, на котором разговаривают друг с другом и женщины”.

Таким образом, при жизни поэта и долгие годы спустя поэма называлась просто “Комедия”; эпитет “божественная” благодарное потомство прибавило уже значительно позднее, в XVI веке, — это было данью восхищения немеркнущим совершенством великого произведения Данте.

Нравоучительная цель поэмы — освободить живущих на земле от состояния греховности и указать им путь к блаженству. Однако, кроме нравственно-религиозного предназначения, “Божественная комедия” характеризуется общественно-политическим звучанием: темный лес, в котором заблудился поэт, подразумевает анархическое состояние современного ему мира, и в первую очередь — Италии.

Фигура Вергилия, его спутника, также имеет аллегорическое значение. В средние века этот римский поэт считался среди отцов Церкви достойнейшим и лучшим среди античных авторов, а в народе его почитали как чародея и величайшего в мире мудреца. Для Данте Вергилий — это воплощение разума, высшего развития мыслительных возможностей человека, которого можно достигнуть без помощи Божественного откровения. Кроме того, автор “Энеиды” был прославленным воспевателем римской истории и государственности, что позволяет считать его в “Божественной комедии” еще и символом идеи римской всемирной монархии, которая была так дорога Данте.

В рамках поэмы Данте уместились все элементы современной ему культуры — наука, религия, политика, национальная история. При этом наука отражена фактически в объеме научной энциклопедии средних веков, то есть времени, когда именно вызывающая почтительное изумление ученость поэта считалась его высшей заслугой и ценилась на порядок выше поэтических достоинств его творения. Характерный пример: летописец Джованни Виллами называл “Божественную комедию” трактатом и восхищался рассмотренными в ней великими нравственными, физическими, астрономическими, философскими и богословскими вопросами.

Данте избрал для поэмы сюжет, воспламенявший, в первую очередь, его собственное воображение. Главный герой поэмы — он сам; это он падает, отчаивается, борется и воскресает. Именно он после смерти Беатриче очутился в лесу юношеских заблуждений, однако сумел выбраться оттуда благодаря изучению философии, а затем обрел успокоение и надежду вечного спасения в вере и богословии.

Представления жителей Древнего мира о загробном существовании были достаточно неопределенными; они слишком любили земную жизнь, чтобы подолгу и всерьез размышлять о грядущем.

щих странствиях души. В христианскую эпоху — наоборот: все земное существование мыслилось лишь как подготовительный этап к будущей жизни. Поэтому в средние века и народ, и богословы, и литераторы, описывая страдания Ада и Чистилища и блаженство Рая, старались дать живую, запоминающуюся картину происходящего там, включая описание местности.

Однако все эти попытки меркнут перед удивительной наглядностью и ясностью изображения Данте. Особенно живописны Ад и Чистилище: их архитектура настолько пластически точна и определена, что невольно возникает соблазн нарисовать дантовские видения загробных царств, чем, кстати говоря, и занимаются художники уже не одно столетие.

Разумеется, картины загробного мира служили только оболочкой для поэтического чувства автора; однако сам он глубоко и искренне верил в этот мир, а потому, воссоздавая его, до того сжился с изображаемым, что без труда способен вызвать те же сильные ощущения и в читателе. Входя в царство мертвых, Данте прихватил с собой все земные человеческие страсти. С христианской точки зрения, подобные эмоции, возможно, и не всегда уместны. У Данте даже святые дают волю чувствам — горячатся и негодуют, но в этой страстности и заключается их неповторимое поэтическое обаяние, без этого негодования, наверное, не было бы и самых поэтических страниц “Рая”.

Образы Данте — живые личности, которые в загробном мире сохраняют те же чувства и мысли, что и в земной жизни. Особенно это касается “Ада”, где перед читателем предстает целая буря чувств, страстей и грозных событий. Данте была присуща способность обрисовывать фигуры персонажей одним штрихом; благодаря своему энергичному слогу он мог уместить целый мир идей и чувств в одну строчку, в одну картину. Пластическое дарование Данте разнообразно и неистощимо; его рука в состоянии несколькими взмахами извлекать фигуры и сцены, которые немедленно оживают.

Простой народ именно так, буквально, и воспринимал поэму Данте; Боккаччо рассказывал о двух жительницах Вероны, которые, заметив проходившего мимо Данте, обменялись следующими многозначительными репликами: “Посмотри, — сказала одна, — вот тот, кто спускается в Ад и, возвращаясь оттуда, когда пожелает, приносит весть о пребывающих там грешниках”. Дру-

гая ответила: “Должно быть, ты права: посмотри, как борода его курчава, и лицо его черно от дыма и копоти адского огня”.

Поэт действительно обладал выразительной внешностью: продолговатое смуглое лицо, обычно имевшее грустное и задумчивое выражение; черные, густые и курчавые волосы и борода, орлиный нос, большие глаза, резко обозначенные скулы и слегка выдающаяся вперед нижняя губа. Он был среднего роста, двигался не спеша и с достоинством, в конце жизни стал заметно сутулиться. Добавим, что в одежде Данте обычно предпочитал темные, неброские цвета.

Наибольшей известностью и популярностью традиционно пользуется первая часть “Божественной комедии” — “Ад”; здесь царят драматизм и суровая реальность жизни. Во второй части — “Чистилище” — напряженность действия постепенно снижается, здесь меньше действующих лиц. Эти тенденции сохраняются и при переходе к третьей части — “Рая”. Те, кто находятся в Аду, отбывают вечную кару за совершенные ими преступления, однако бремя земных грехов позволяет им сохранить индивидуальность. Когда же душа, очищаясь, поднимается к Небу, она оставляет за собой все земное и суетное.

Страстные сцены “Ада” неуместны для обстановки “Чистилища” и тем более “Рая”, где отвлеченные, символические построения имеют явный перевес по сравнению с непосредственным проявлением авторских чувств.

Загробный мир в интерпретации Данте обретает поразительную конкретность благодаря редкой наблюдательности поэта и его непревзойденному чувству стиля. Тени умерших, бросающиеся в лодку Харона, поэт сравнивает с “древесными листьями, падающими в осеннюю пору один за другим до последнего, пока не обнажаются носившие их ветви”; тени, встретившиеся ему в одном из кругов Ада, всматриваются в пришельца, “прищуривая глаза так, как делает старый портной, вдевая нитку в ушко иглы”; грешник ныряет в смолу, “как дикая утка скрывается под водою при налете сокола, который улетает в небо пристыженный и усталый”, и т. д.

Тем временем политические и военные сражения в Италии шли своим чередом, однако на участь Данте их результаты не оказали существенного влияния. После того как гвельфы во главе с флорентийцами потерпели поражение от войск гибеллинов в битве при Монте-Катини в сентябре 1315 года, 6 ноября во Флорен-

ции было принято новое постановление о репрессиях против изгнанных Белых, которое на этот раз касалось не только Данте, но и его сыновей.

Объявление смертного приговора поэту и членам его семьи сопровождалось позволением любому завладеть их имуществом. Правда, уже через год флорентийские изгнанники получили общую амнистию; но ее условия были слишком унижительны, чтобы ими мог воспользоваться Данте: помимо уплаты денежного штрафа нужно было в рубище принести публичное покаяние в церкви Сан Джованни — этот обычай существовал во Флоренции для помилованных уголовных преступников.

Многие сочли для себя возможным вернуться в родной город и на таких условиях; Данте, разумеется, предпочел остаться в изгнании.

Рано состарившись в изгнании, с мыслью о котором он никогда не мог примириться, усиленно стремясь к спокойствию, поэт все же предпочел собственное достоинство столь горячо желанному возврату в “сладкое гнездо”.

В 1316 году он поселился в Вероне, воспользовавшись гостеприимством ее блистательного властителя Кангранде делла Скала. В Вероне к поэту присоединились его сыновья; старший, Пьетро, юрист по профессии, впоследствии обосновался в этом городе.

Незадолго до смерти Данте переехал из Вероны в Равенну, уступив настоятельным приглашениям ее властителя, графа Гвидо да Полента; граф принадлежал к гвельфской партии, что отнюдь не мешало ему быть горячим поклонником таланта и личности Данте. Жизнь Данте в Равенне протекала спокойно и приятно: он проводил время в научных и литературных беседах с друзьями и почитателями, рядом вновь были два его сына, Якопо и Пьетро.

14 сентября 1321 года Данте умер от малярии. Он был похоронен с большими почестями; в 1482 году могилу поэта украсил известный барельеф работы Пьетро Ломбарди.

“Жестокая” Флоренция неоднократно выражала раскаяние в своих действиях по отношению к Данте и просила у властей Равенны вернуть на родину прах поэта, однако ее усилия не увенчались успехом.

В истории мировой культуры Данте остался человеком, который не следовал за своей эпохой, а наоборот, увлекал ее за собой,

просвещая, наставляя и исправляя ее ошибки и заблуждения. Его произведения послужили источником вдохновения для многих поколений поэтов, художников, скульпторов, музыкантов, среди которых — Микеланджело, Рафаэль, Перуджино, Ференц Лист.

И хотя с тех пор минуло уже более семисот лет, все той же благородной отвагой и спокойным сознанием собственного достоинства дышат строки, написанные Данте родственнику, уговаривавшему поэта вернуться в родной город, воспользовавшись унижительной амнистией 1315 года: “Таким ли образом следует призывать на родину Данте Алигьери после почти пятнадцатилетнего изгнания? Того ли заслуживает моя всем и каждому очевидная невинность? Это ли награда за усиленные занятия наукой и поэзией? Низкая покорность, по-земному настроенное сердце несовместимы с философским образом мыслей, которого я достиг усилиями стольких лет. Прочь слабость от человека, проповедующего справедливость, — слабость, которая заставила бы его, претерпев неправду, заплатить оскорбившим его, как будто они были его благодетелями. Не таким путем, *padre mio* [отец мой], возвращусь я на родину. Но если вы или кто иной найдете другую дорогу, не унижительную для чести Данте, то я поспешу тотчас же вступить на нее. Если же нельзя будет вернуться во Флоренцию таким путем, то я никогда и не вернусь туда. Что ж, разве я не буду видеть везде и всюду в других местах блестящего солнца и звезд? Разве я не смогу размышлять над сладчайшими истинами, не вернувшись на родину униженным, скажу более — обесчещенным в глазах моих сограждан?... И конечно, не будет у меня также и недостатка в хлебе...”

Вадим Татафинов